

Тайлер находит для меня работу официанта, после чего сует мне в рот пушку и говорит: первый шаг к вечной жизни — смерть. А ведь мы с Тайлером были закадычными друзьями. Люди вечно спрашивают, знал ли я Тайлера Дердана.

Прижимая дуло пистолета к моему нёбу, Тайлер говорит:

— На самом деле мы не умираем.

Языком я чувствую дырки-глушители, которые мы просверлили в стволе. Основной шум при выстреле производят расширяющиеся газы; кроме того, есть еще звуковой удар от быстро летящей пули. Чтобы сделать глушитель, нужно просто просверлить в стволе пушки дырки. Много дырок. Тогда газы выйдут, а скорость пули будет меньше скорости звука.

Если просверлишь дырки неправильно, пушка взорвется в руке.

— На самом деле это не смерть, — добавляет Тайлер. — Мы станем легендой. Никогда не состаримся.

Я прижимаю языком ствол к щеке и отвечаю:
— Тайлер, это про вампиров.

Через десять минут здание, на котором мы стоим, исчезнет. Возьми курящуюся девяностовосьмипроцентную азотную кислоту и смешай с серной в пропорции один к трем. Все это на ледяной бане. Затем глазной пипеткой по каплям добавь глицерин. Получишь нитроглицерин. Я знаю это, потому что знает Тайлер. Смешай нитроглицерин с опилками — и вот она, добрая пластичная взрывчатка. Многие ребята смешивают нитроглицерин с хлопком и добавляют в качестве сульфата английскую соль. Это тоже работает. Другие парни используют парафин в смеси с нитроглицерином. У меня с парафином никогда ничего не получалось.

В общем, мы с Тайлером стоим на крыше Паркер-Моррис-билдинг, я — с пистолетом во рту, и слышим, как разбивается стекло. Загляни

за край. Сегодня облачно, даже наверху. Это самый высокий небоскреб в мире, и на такой высоте ветер всегда холодный. Здесь так тихо, что чувствуешь себя мартышкой-астронавтом. Выполняешь простые задания, каким тебя обучили.

Дернуть за рычаг.

Нажать кнопку.

Ты не понимаешь, что делаешь, а потом просто умираешь.

Смотришь за край с высоты ста девяноста первого этажа и видишь, что улица внизу превратилась в пятнистый ковер людей, которые стоят и таращатся вверх. Бьющееся стекло — это окно прямо под нами. Окно на боковой стороне здания разбивается, и вылетает картотека, огромная, будто черный холодильник. Прямо под нами картотека с шестью ящиками срывается с отвесного обрыва стены и падает, медленно переворачиваясь, становясь все меньше, исчезая в плотной толпе.

Где-то под нами мартышки-астронавты из Комитета шалостей проекта «Хаос» носятся сломя голову по ста девяноста одному этажу, уничтожая обрывки истории. Похоже, старая

поговорка насчет того, что любимых всегда ранишь сильнее, работает в обе стороны.

С дулом пистолета во рту и стволом между зубами произносить можно только гласные.

Нам осталось десять минут.

Из здания вылетает еще одно окно, осколки стекла напоминают вспугнутую голубиную стаю. За ними дюйм за дюймом вылезает темный деревянный стол, подталкиваемый Комитетом шалостей. Наконец стол накреняется, скользит и превращается в кувыркающийся летучий магический предмет, который исчезает в толпе.

Через девять минут от Паркер-Моррис-билдинг ничего не останется. Если взять нужное количество гремучего студня и обернуть фундаментные столбы, то можно обрушить любое здание. Но не забудьте хорошенько обложить все это дело мешками с песком, чтобы взрыв пришелся на столб, а не на парковку вокруг него.

Подобных советов нет ни в одном учебнике истории.

Три способа приготовить напалм. Первый: смешать в равных пропорциях бензин и замороженный концентрат апельсинового сока.

Второй: смешать в равных пропорциях бензин и диетическую колу. Третий: сыпать раскрошенный наполнитель для кошачьего лотка в бензин, пока не загустеет.

Спросите меня, как сделать нервно-паралитический газ. Ах, эти безумные автомобили, начиненные взрывчаткой!

Девять минут.

Паркер-Моррис-билдинг сложится всем ста девяноста одним этажом, медленно, как падающее в лесу дерево. Обрушить можно что угодно. Странно представить, что место, на котором мы стоим, превратится в точку в небесах.

Мы с Тайлером находимся на краю крыши, у меня во рту пистолет, и я гадаю, насколько он чистый. Мы напрочь забываем про убийственно-суицидальные заморочки Тайлера, глядя, как из здания выскальзывает очередная картотека, ее ящики выдвигаются, и ветер подхватывает и уносит листы белой бумаги.

Восемь минут.

Из открытых окон начинает сочиться дым. Подрывная команда подорвет запальный заряд примерно через восемь минут. Запальный заряд подорвет основной, фундаментные столбы

рухнут, и серия снимков с Паркер-Моррис-билдинг войдет во все учебники истории.

Пять кадров, цейтраферная съемка. Вот здание стоит. На второй картинке — кренится на восемьдесят градусов. Потом на семьдесят. На четвертой — на сорок пять, и несущая конструкция начинает трещать, а башня — выгибаться. Последний кадр: башня всем своим ста девяноста одним этажом падает на Национальный музей, а он и есть истинная цель Тайлера.

— Теперь это наш мир, наш, — говорит он. — А эти древние люди мертвы.

Если бы я знал, чем все обернется, предпочел бы сейчас быть мертвым и на Небесах.

Семь минут.

На крыше Паркер-Моррис-билдинг, с дулом пистолета во рту. Метеоритный дождь столов, картотек и компьютеров падает на толпу вокруг здания, дым клубится из выбитых окон, в трех кварталах дальше по улице подрывная команда смотрит на часы, а я знаю: все это — пушка, анархия, взрыв — из-за Марлы Сингер.

Шесть минут.

У нас тут нечто вроде любовного треугольника. Я хочу Тайлера. Он хочет Марлу. Марла

хочет меня. Я не хочу Марлу, а Тайлер не хочет меня. Больше не хочет. Дело не в любви и заботе, а в собственности и обладании.

Без Марлы у Тайлера ничего не останется.

Пять минут.

Вероятно, мы станем легендой, а может, и нет. Я бы сказал «нет», но поглядим.

Где был бы Иисус, если бы никто не написал Евангелия?

Четыре минуты.

Языком отталкиваю дуло к щеке и говорю: хочешь стать легендой, Тайлер? Друг, я об этом позабочусь. Я был здесь с самого начала.

Я помню все.

Три минуты.

2

Мощные руки Боба сомкнулись вокруг меня, и в темноте я оказался зажат между его новыми потными сиськами, необъятными, как Господь Бог. Каждый вечер мы встречались в церковном подвале, полном мужчин: это Арт, это Пол, это Боб. Широкие плечи Боба наводили меня на мысли о горизонте. Густые светлые волосы Боба

были результатом того, что получается, когда гель для волос именуется себя моделирующим муссом. Такие густые и светлые, с таким ровным пробором.

Обхватив меня руками, Боб гладит меня по голове, прижимая к сучьему вымени, проросшему на его груди-бочке.

— Все будет хорошо, — говорит он. — Поплачь.

Всем телом я ощущаю, как химические реакции внутри Боба сжигают пищу и кислород.

— Может, они успели вовремя, — продолжает Боб. — Может, это просто семинома. При семиноме выживаемость — почти сто процентов.

Плечи Боба распрямляются в длинном вдохе, а затем никнут, никнут, никнут в судорожных рыданиях. Распрямляются. Никнут, никнут, никнут.

— Поплачь, — говорит Боб, и вдыхает, и всхлипывает, всхлипывает, всхлипывает. — Давай, поплачь.

Большое влажное лицо опускается на мою макушку, скрывая меня внутри. Сейчас я заплачу. Слезы всегда близко, когда ты в душной темноте,

внутри кого-то другого, когда понимаешь, что все, чего ты мог достичь, пойдет прахом.

Все, чем гордился, отправится на помойку.

И я скрыт внутри.

Почти неделю я не был так близок ко сну.

Вот так я встретил Марлу Сингер.

Боб плачет, потому что шесть месяцев назад ему удалили яички. Потом — гормональная поддерживающая терапия. У Боба выросла грудь, поскольку у него слишком высокий тестостерон. Подними уровень тестостерона выше нормы — и в поисках равновесия тело начнет усиленно вырабатывать эстроген.

Сейчас я заплачу, ведь вся жизнь сводится к пустому месту, даже не к пустому месту — к забвению.

Слишком много эстрогена — и у тебя вырастет сучье вымя.

Легко заплакать, когда понимаешь, что все, кого ты любишь, отвернутся от тебя или умрут. В долгосрочной перспективе любая выживаемость стремится к нулю.

Боб любит меня, потому что думает, что мне тоже удалили яички.

Вокруг нас в подвале епископальной церкви

Святой Троицы, заставленном дешевыми клетчатými диванами, собралось около двух десятков мужчин и всего одна женщина. Все держатся по двое, большинство плачут. Некоторые пары наклонились вперед, прижавшись друг к другу ушами, словно борцы. Мужчина с единственной женщиной положил локти ей на плечи — по локтю с каждой стороны головы — и плачет, уткнувшись лицом ей в шею. Женщина поворачивает голову, поднимает сигарету.

Я выглядываю из-под мышки Большого Боба.

— Вся моя жизнь, — всхлипывает он. — Сам не знаю, зачем я это делаю.

Единственная женщина в «Останемся мужчинами вместе» — группе поддержки больных раком яичек, — эта придавленная незнакомцем женщина курит сигарету и встречается со мной взглядом.

Притворщик.

Притворщик.

Притворщик.

Огромные глаза, как в японских мультиках, тусклые короткие черные волосы, постная, как снятое молоко, желтушная, как пахта, в платье с обойным узором из темных роз. Эта женщина

была в моей группе поддержки больных туберкулезом вечером по пятницам. И за круглым столом меланомы вечером по средам. Вечером по понедельникам она была в моем лейкемическом дискуссионном кружке «Крепкая вера». Пробор на ее голове напоминает кривую молнию белого скальпа.

У всех этих групп поддержки — смутно-оптимистичные названия. Моя группа паразитов крови, вечером по четвергам, называется «Свободный и чистый».

Моя группа мозговых паразитов называется «Выше и дальше».

И воскресным вечером, на встрече «Останемся мужчинами вместе» в подвале епископальной церкви Святой Троицы, — эта женщина снова здесь.

Хуже того: я не могу плакать, когда она смотрит на меня.

Это должна быть самая лучшая часть — Большой Боб обнимает меня, и мы вместе безнадежно рыдаем. Мы все так усердно работаем. Это единственное место, где я могу расслабиться и сдать.

Это мои каникулы.